

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMANARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 588.986

Editor-Director
VSEVOLOD DUBROWSKY

Casilla de Correo 2847

Buenos Aires

Argentina

Correo
Central B.
ArgentinaFRANQUEO PAGADO
Concesión N° 4233
Concesión No. 3980

INTERES GENERAL

AÑO XI

Buenos Aires, Jueves, 9 de abril de 1959

Буэнос Айрес, четверг 9 апреля 1959 года

№ 480

Д-р А. К.

Непримиримость

Когда мы говорим и заявляем о нашей непримиримости, то нас интересует не так самое заявление, важность которого явствует сама по себе, как степень ответственности этого заявления, определяемая духовной и политической зарядкой носителя этой непримиримости. Мы имеем в виду силу нашей внутренней убежденности в необходимости сохранения и дальнейшего утверждения нашей непримиримости к тем мировым силам растления, как внешним, так и внутренним, первой жертвой которых стала наша многострадальная Родина.

Мы знаем, что эта непримиримость существует и последовательно утверждается прежде всего внутри поработанной России, и в этом смысле голос Зарубежья является как бы частью общенародного голоса. В этом и состоит внутренняя сила и реальность нашего заявления, не смотря на все наше кажущееся современное бессилие. Это упорное, молчаливое сопротивление народа поработившей его власти стало в условиях советского государства единственно доступной народу формой политической жизни. “Внутренняя эмиграция” есть, в условиях советского государства, явление стихийное, всенародное, о котором заговорил недавно даже сам верховный кремлевский жрец — Хрущев, и которое, за все годы существования СССР, неизменно проявлялось в том или ином виде. Это — голос подъяремной России, который вот уже 41 год доносится к нам из-за Железного Занавеса. Иное дело, что внешний мир старается этот голос не слышать, и все годы коммунистического произвола в России голос ее непримиримости к коммунистическим поработителям гложет во внешнем безразличии свободного мира.

Тем не менее, ни внутренняя сила сопротивления народа, ни наша непримиримость к его поработителям не потеряли своего смысла, а приобрели еще большее и более глубокое значение. Не смотря на все внешнее благополучие советского государства и ежечасные заявления его вождей о “построении социализма” и создании так наз. “советского человека” — близок тот час, когда живые силы России взломают мертвящую кору сковавшего ее официального марксизма. И ни безразличие свободного мира к судьбе поработанной России, ни даже благожелательность, не раз проявленная им к ее поработителям не спасут международный марксизм от неминуемой гибели от руки Русского народа, ни разу за все годы кровавого владычества марксизма в России, не склонившего голову перед своими поработителями. Так вместе с нашим народом не преклонили голову и мы, и наш голос будет раздаваться до тех пор, пока от самого имени коммунизма в России не исчезнет смрадное воспоминание.

В последнее время становится особенно заметной глубокая взаимосвязанность мировых сил растления, получившая свое особенное выражение в период революции и Гражданской войны в России, явившихся началом перживаемой нами современной мировой смуты. Целые поколения внутрироссийских растлителей, подготовлявших революцию в России, действовали рука об руку с внешними врагами России. Православная, историческая Россия была непреодолимым препятствием на пути этих сил, и современный коммунизм явился по существу ничем иным, как

Вторым “дополненным и исправленным” изданием выходят книги. Газетные статьи печатать “вторым изданием” обычно не принято. Мы, однако, нарушаем сегодня этот обычай и предлагаем читателям статью Доктора А. К. “Непримиримость” в значительной мере пополненную автором рядом новых мыслей, что делает ее отличной от первого ее варианта, помещенного в № 471 “Нашей Страны”, и по-новому интересной, по-новому заслуживающей внимания читателей.

Новая редакция этой статьи находилась в пути, когда № 471 “Нашей Страны” уже был напечатан. Дальние расстояния, отдаляющие редакцию от сотрудников отражаются, увы, на нормальной жизни газеты.

Р е д а к ц и я

вещественным выражением первой победы этих сил в мире. Это — не русское явление, и за спиной международного коммунизма стоят и стоят в значительной мере и до сих пор огромные мировые силы. Вот почему голос поработанной России, а вместе с нею и наш никому не слышен: от коммунистических партий всего мира, все действия которых строго централизованы и планомерны, ведут нити к незримому центру, и по ходу всей духовной и политической жизни свободного мира чувствуется прикосновение незримой длани, направляющей эту жизнь в нужном направлении. Здесь же и бессилие западной политики, выражаемой посредством формальной демократической системы, явившейся в ее современном болезненном виде той благоприятной средой, в которой эти силы имеют полную свободу действия: в современном духовном и политическом тумане эти разрушительные силы действуют беспрепятственно.

Как и самое насильственное насаждение коммунизма в России в значительной степени обязано действию внешних, враждебных России сил, так и его современное существование обусловлено внешними предпосылками, действующими в той или иной мере и по сей день. Именно этому своему международному характеру и обязан коммунизм своим существованием в России, где он явился прежде всего фактором духовной, исторической и биологической разрядки российского государства: вот истинная международная роль коммунизма в его применении к России. Только в самом своем первейшем периоде, коммунизм еще имел какой-то идеологический характер, ныне же этот характер полностью утерян и коммунизм давно из идеологии превратился в орудие духовного разрушения, особенно же в его применении к России. Внешние успехи коммунизма в значительной степени коренятся и питаются глубоким кризисом политической системы демократий, представляющейся в этом ее современном виде и как аргумент, и как антитеза коммунизму весьма неубедительной. На фоне современного духовного и политического кризиса, несомненно должны появиться какие-то новые формы или, по меньшей мере, тенденции к оздоровлению старых, существующих форм, что без участия России представляется мало возможным, в равной степени, как и изживание внешних предпосылок существующему в России коммунизму является необходимым условием оздоровления самой России и освобождения ее от пут международного коммунизма.

Таким образом, наша непримиримость к коммунизму — не только в его вещественном воплощении в Рос-

сии, где он в значительной мере является уже изжитой, мертвой категорией, но тем не менее продолжающей еще свое формальное бытие — но также и к этим незримым мировым силам, стоящим за его спиной. Здесь, в остающейся еще относительно свободной части мира, мы являемся посланцами нашего народа, и наш долг неумолчно напоминать другим, а равно и помнить самим о его страданиях, и последовательно утверждать нашу непримиримость к его поработителям, под чьей бы личной они ни являлись. Наш антикоммунизм исходит из полного сознания той духовной и исторической ответственности, которую его заявление накладывает на нас. То реальное историческое основание, из которого изойдет, не только будущая свободная Россия, но и будущий обновленный мир и есть эта упорная, молчаливая, никогда не прекращавшаяся непримиримость Русского народа к его поработителям. Без свободной России, в недрах которой в течение крестного ее пути произойдет очищение и обновление духа от всех видов современного растления, представляется немислимым дальнейшее существование и остального мира. Это есть основание и нашей зарубежной политики, в наиболее здоровой и органической форме ее проявления, и, в полном смысле, антикоммунистической по существу. Как Русский народ ответил упорным неприятием поработивших его чужеродных сил, так и наша политика строится прежде всего с учетом этого непреклонного внутривосточного антикоммунистического фронта.

Это — человек, противостоящий исконному Злу в соответствующей нашей эпохе форме его проявления, не только во имя России, но и во имя неизбежно грядущего торжества исконного Добра для всего мира.

Наша непримиримость, помимо своего отрицающего характера по отношению к коммунизму, заключает в себе и созидательное, обещающее начало, которое, надо полагать, в условиях поработанной России, является пока что единственно доступной народу формой политического единения. Но и здесь, в Зарубежье, независимо от наших политических взглядов, мы являемся сынами одного и того же страждущего Отечества, во имя спасения которого мы объединены и заявляем о нашей общей непримиримости к его поработителям. В этом уяснении мы видим и как бы примирение наших расходящихся взглядов: современное поражение России ни у кого из нас не должно вызывать сомнений ни в его неприемлемости, ни в нашей к нему непримиримости. Таким образом, различие наших политических взглядов этому единению не препятствует, как и в будущем не должно оно препятствовать нашим общим усилиям на пути практического восстановления свободного Российского Государства, которое даст приют всем нам, независимо от наших духовных или политических различий.

Наша политическая расхождение получены нами в наследство от целой исторической эпохи, в сумерках которой мы живем, и изживание которой мы наблюдаем в наше время. Было бы весьма идеалистическим не видеть этих расхождений, но должно также смотреть на них и в свете этого исторического прошлого, а не только их догматического отрицания или отрицания их права на существование. Эти расхождения есть исторический факт, знаменующий собой целую эпоху мировой истории, получившие свое крайнее выражение в наше время. Впрочем,

Ленинская национальная политика — создание культур — “национальных по форме и пролетарских по существу” — окончилась не только провалом, как неизменно кончаются все большевистские предприятия. Она дала результаты прямо противоположные намеренным.

Общенациональное сознание русского народа выковано не только общностью всей нашей исторической судьбы, но и общностью наших революционных испытаний.

Если французская революция сплывала бретонцев, провансальцев, гасконцев и прочих в единую французскую нацию, то в пламени большевистской революции все эти “мы рязанские”, полтавские, тифлисские, минские и прочие переплавились тоже в одну нацию. Переплавка эта началась уже давно — задолго до революции. Всероссийский концентрационный лагерь, согнав в одни и те же бараки и великороссов и грузин, и малороссов, и чеченцев, переплавил этот конгломерат в одну и ту же семью.

Даже при большевистской интернациональной революции единство страны в общем все-таки удержалось. Неужели можно себе представить, что оно не удержится при национальной контрреволюции...

И. Солоневич
 (“Голос России” № 105, 1938).

при всей их подчас бурности, безобразности и глубине, эти расхождения в какой-то мере, и у наиболее разумных представителей обоих лагерей — “охранительного” и “передового” — не превышали каких-то этических норм своего времени. Теперь мы видим, что эти нормы полностью устранены и их место заняла совершенно иная шкала. Вот смысл нашей непримиримости к коммунизму, явившемуся не только антитезой основным духовным ценностям человека, но и попранием неизбежно принадлежащих ему простейших духовных, политических и даже биологических прав. Так, коммунизм стал антитезой тому либерализму, из которого он родился, что так глубоко подмечено Ф. М. Достоевским в бессмертном образе Шигаева, который, по его же словам, исходя из наиболее возможной свободы, пришел к полному рабству.

Теперь этот духовно-исторический процесс стоит перед своим завершением: те или иные наблюдаемые между нами розни — последняя зыбь откатывающейся волны. Наше поколение еще как бы живет в прошлом, со всеми свойственными этому прошлому идеалами и заблуждениями; эти остывающие страсти прошлой эпохи еще как бы бушуют в нас, но это уже страсти прошлого. Мы можем даже сказать, что захваченное откатывающейся волной эпохи наше поколение, или даже несколько поколений, не знало личной жизни и было целиком пожертвовано истории: старое в нас еще не изжито, а новое не пришло. Иными словами — наше поколение имеет только прошлое, и наше мышление еще движется старыми категориями, уже изжитыми, но еще не замененными.

Сейчас, я бы сказал, обозначается какое-то примирение несущественных в свете сегодняшнего дня старых этих расхождений. Многие из нас склонны это не замечать, но по ходу всей жизни поработанной России этот процесс вполне заметен. Это и понятно, так как там нет ни времени, ни возможности думать о тех или иных политических оттенках, какую роскошь мы позволяем себе здесь, в условиях относительной духовной свободы и внешней безопасности. В самой России царит в

этом смысле, повидному, полное единодушие: сопротивление чужеродной марксистской власти давно приняло вид стихийного, но пока еще молчаливого неприятия народом порабощившей его власти. Это всенародное «нет» по адресу этой власти замечается по всему ходу жизни за все годы существования марксистского государства. В народе происходит вызревание необходимых реальных предпосылок для какого-то, сколько-нибудь существенного противодействия порабощившим его силам, глубиной и размахом своего всеотрицания превзошедших все, до сих пор известное, в духовной и политической истории человека. Это потребовало и требует каких-то больших сроков, чем мы то предполагали: революция оказалась не событием, а процессом, что в равной степени относится и к периоду ее изживания.

Так, за 41 год владычества коммунистического интернационала в России, основная масса народа оставалась и остается единодушной: результаты этого единодушия начинают сказываться все более и более, а в последнее время и особенно, во всех областях жизни советского государства. Там, конечно, ни «правых», ни «левых» нет, а лишь одинаково обездоленные, страдающие русские люди, каковыми русскими людьми являемся здесь, за рубежом, и мы. И, перед лицом страждущего нашего Отечества, мы можем и должны с надеждой сказать, что наши расхождения в значительной мере принадлежат уже прошлому, несмотря даже и на несомненное их наличие между нами и по сей пору.

Какие формы примет в будущей нашей общественно-государственной жизни взаимодействие этих имманентных человеческого сознанию элементов «консервативного» и «прогрессивного» — трудно сказать. Но вот, что можно сказать с полным основанием, что старая их форма взаимодействия принадлежит уже, хотя и свежей в нашей памяти, но уже изжитой или изживающей себя эпохе. Перед лицом общего врага, какое-то согласование этих элементов наблюдается уже сейчас в условиях порабощенной России. Явление Б. Пастернака, не вдаваясь в его более подробный разбор, уже говорит с достаточной очевидностью, что процесс переосмысления революции не только существует, но уже и как-то проявляется в том слое российской радикальной интеллигенции, который в течение полутора столетий являлся провозвестником этой революции и к ней наиболее близко стоял. Б. Пастернак — типичный представитель этой интеллигенции, с которым, как впрочем и со всей нашей «прогрессивной» интеллигенцией, революция расплатилась чортовыми черепками. Да и здесь, за рубежом, наши расхождения начинают терять в своей внутренней силе и убежденности в непогрешимости той или другой стороны. Это не значит, что мы отказываемся каждый от своих убеждений, проистекающих из различия политических темпераментов, и определяющих те или другие политические идеалы. Нет, эти убеждения и далее будут руководить нами, но несомненно также и то, что они теряют прежнюю, свойственную их времени политическую остроту, а их столкновение в недавнем прошлом все более и более приводит нас к сознанию необходимости какого-то общего, надпартийного идеала, каковым для всех нас является Россия, без существования которой немислима никакая наша политическая деятельность.

Эти имманентные человеческому сознанию категории — «охранительные» и «передовые» — свойственны не только нашему времени, а вообще неотъемлемы от свободного человека, являясь равноправными составляющими частями исторического процесса. Для нашего времени и характерно именно болезненно обостренная форма взаимоотношения этих категорий, как и самоочинное присвоение коммунизмом «прогрессивного» титула, вылившееся в окончательную подмену прогрессивного коммунистическим: все, что коммунистическое — «прогрессивно», все что некоммунистическое — «реакционно». Как «охранительное», так и «передовое» начала неизменно присутствуют в жизни каждого общества, принимая в зависимости от эпохи, т. е. места и времени своего действия, соответствующий этому оттенок и направление, иногда гармонично дополняя друг друга, иногда сталкиваясь. Это — два типа сознания, и оба они присутствую-

ют в том или ином соотношении в каждом из нас, и их примирение происходит в плане нормального, никогда не приостанавливающегося развития общественно-государственной жизни. Оба эти типа равноправны и одинаково присущи свободному человеку, и исторический процесс состоит не в разрушении одного из этих типов, а в их разумном взаимодействии. Когда создаются такие условия, в которых оба или один из этих типов выражения духовного и политического сознания ущемляется или полностью подавляется, то и происходит разрыв нормального течения общественно-государственной жизни, как то произошло в России в условиях порабощения ее тоталитарным, антинародным, и, в этом смысле, антиисторическим марксизмом.

Таковым представляется нормальный исторический процесс, в противоположность историческому монизму, исповедуемому марксизмом. В ходе этого процесса, в силу действующих в каждом обществе «передовых» сил, происходит отмирание тех или иных стареющих форм, в разумном и естественном сочетании с силами «охранительными». История не обходится ни без одних, ни без других. В условиях порабощения России «прогрессивным» коммунизмом, действие этих почвенных, «охранительных» сил было заметно более или менее явственно во все годы существования СССР. Эти силы являлись и являются мощным тормозом, не только производимому над Россией внутреннему насилию, но также и прежде всего, во всех внешних предприятиях марксистского государства. Непригодность внутреннего фронта порабощенной России внешним целям интернационального коммунизма всегда была ясна самым кремлевским вождям, и ими учитывалась в той или иной мере. В лучших представителях нашего «прогрессивного» лагеря давно уже обозначился процесс проосмысления... и т.д.

В лучших представителях нашего «прогрессивного» лагеря давно уже обозначился процесс переосмысления того, что проф. П. Б. Струве называет исторической ошибкой нашей конституционно-либеральной интеллигенции. Для многих из них, Запад уже давно не представляется тем лучезарным маяком, каким он мерещился нескольким поколениям российской радикальной интеллигенции. Правда, что уже такой несомненный «западник», как вводивший в Россию западную цивилизацию Император Петр I, говорил, что «из Парижа — смердит»: эти слова великого преобразователя получают в наше время полное свое значение, и процесс переосмысления нашего «западничества» захватывает все более широкие круги. Мы не знаем, к чему приведет это переосмысление нашу «прогрессивную» интеллигенцию, но несомненно, что подходит время нам стать самими собою, т. е. просто русскими. Если это переосмысление будет исходить не от отвлеченно-идеалистических доктрин планетарного масштаба, во что и вылилось у нас наше российское «западничество», а от конкретных нужд и интересов России, то наши пути несомненно сойдутся почти во всем. Будущие внешние формы не явятся насильственной конструкцией той или другой стороны, каковой, например, явился международный марксизм в его насильственном осуществлении в России, они явятся закономерным выражением духовных и государственных нужд России. На российском историческом пространстве может существовать лишь та государственная форма, которая наиболее всего будет соответствовать внешним условиям этого пространства, а таковой формой может быть лишь форма историческая.

В условиях тоталитарного марксистского государства, ни о каком, конечно, нормальном то или иного типа политическом сознании не может быть и речи. Марксистские государственники, вынесенные на поверхность мутной волной конца эпохи, и как бы в предчувствии неизбежного выступления на мировую сцену каких-то новых сил, а равно и ввиду врожденной марксизму враждебности ко всему живому и мыслящему, с самого начала заняли в отношении порабощенного народа крайние, реакционные позиции. Но через эту мертвящую кору официального марксизма, сковавшую Россию, то тут, то там прорываются противостоящие ему живые народные силы, удержание которых мыслимо лишь до поры до времени. История, действительно, на

месте не стоит, и в этом мы совершенно согласны с марксистами: не стоит она на месте также и для марксизма.

В грядущем восстановительном периоде прерванного своего нормального развития, свободная Россия вберет в себя все созидательные силы народа. Возможно, что деятельность нашего поколения, будь то внутрироссийского или зарубежного, пройдет в подготовительной фазе, предстоящей этому периоду воссоздания. Но это не значит, что наша историческая роль чем-либо умалется. Наоборот, эта роль кажется весьма значительной именно ввиду нашей сопричастности с процессом изживания эпохи, с проистекающей из этого силой того личного духовного и политического опыта, который ляжет в основание воссоздания свободного Российского Государства. Эта наша историческая роль требует и соответствующего нам ее исторического осмысления, что и предохранит нас от тех или иных соблазнов, и укажет нам наше истинное место в истории нашего Отечества.

У многих из нас наблюдается ощущение своей исторической неполноценности, как бы даже своей неисторичности — именно неполноценностью такого самосознания и объясняются не менее неполноценные его проявления в нашей зарубежной общественно-политической жизни. Это особенно относится к нашему второму поколению, в котором наряду с отрывом от российских корней, явственно замечается непонимание им своего исторического назначения. Сюда относятся не менее нездоровые проявления повышенной жажды деятельности, в данной обстановке не имеющей под собой никакого реального основания, и часто используемой внешними враждебными силами в своих целях, с русским делом ничего общего не имеющими. Эта «деятельность» отвлекает нашу молодежь в порочном направлении от нашей, пусть даже внешне как бы и малодейственной, но исторически единственно реальной и оправданной позиции.

Возвращаясь к нашей позиции отрицания и нашей непримиримости к явлению интернационального коммунизма, установленного насильственно в России, мы видим, что только это отрицание многими справедливо рассматривается, как достаточно прочное для политического объединения основание. Мы, конечно, и сами убеждены, что это основание недостаточно, но это основание и желательное примирение наших расхождений на этом основании — несомненно в каком-то всепобеждающем времени должно дополниться или восполниться какими-то новыми формами, в рамках которых найдется место для всех нас. Мы именно и говорим об этом наступающем времени, ибо уже сейчас становится вполне очевидным, что политический момент все более теряет свою прежнюю остроту, и все более переходит в область духовную, где он и принимает полное свое выражение. И, как мы — «правые», так и «левые» должны беспристрастно признать, что всех нас этот процесс застал неподготовленными: как размах и глубина этого процесса, так и силы, высвобожденные им, несомненно переросли наши ожидания. Дело уже идет не о наших расхождениях, несмотря, повторяю, на всю их неизбежность и глубину исторических корней, а о совершенно очевидном и ясном всемирном шествии торжествующего Зла, никогда, за всю историю человечества, не принимавшего столь ясные и определенные черты.

Мы и видим, что попытки лишь политического разрешения свободным миром вопроса интернационального коммунизма претерпевают неизбежное крушение именно ввиду всеотрицающего духовного свойства последнего. Вот почему перед этими разбуженными предъисподними силами наше единодушное непризнание и наша к ним единодушная непримиримость. Наши старые политические счета найдут свое конечное разрешение в свете новых исторических факторов, выступающих пока еще весьма подспудно на мировую сцену. Мы их точно определить не можем, но нет сомнения, что эти факторы произойдут из синтеза тех или иных противоречий, действовавших или продолжающих еще действовать и в данной исторической обстановке. Интернациональный коммунизм, как религия Зла перерастает, как «правые»,

Политическая Хроника

СМЕРТЬ Б. Н. ОЛЬШАНСКОГО

Нам пишут из Вашингтона: Проживающая в Вашингтоне жена Б. Н. Ольшанского, бывшего капитана советской армии, бежавшего из советской зоны Германии на Запад, проживавшего затем в Западной Германии и в Соединенных Штатах, откуда он — по одной версии — добровольно вернулся в 1956 году в СССР, а — по другой версии — был насильно увезен туда советскими агентами, получила из России письмо с сообщением, что ее муж скончался в Казани осенью 1958 года от сделанной ему операции.

ПЕРЕМНЫ В Н.Т.С.

Нам пишут из Франкфурта: В руководстве франкфуртской фракции солидаристов и в издательстве «Посев» произошли, в последнее время, значительные персональные перемены, причины и направление которых тщательно скрываются заинтересованными лицами.

Самой значительной подробностью этих перемен можно считать фактический разрыв между НТС и одним из его главных руководителей, Г. С. Околовичем, имя которого получило широкую известность в связи с делом Хохлова.

В прошлом году Околович был отстранен от той руководящей работы, которую он вел в НТС, а недавно он вышел и из издательства «Посев» и покинул Германию, переехав в другую страну.

ИНФОРМАЦИОННОЕ БЮРО

Нам пишут из Нью Йорка: Общественный деятель, публицист и историк А. Г. Тарсаидзе, автор изданной в прошлом году на английском языке превосходной книги о русско-американских отношениях: «Царь и президенты — история забытой дружбы» и директор кинематографического предприятия, выпустившего документальный фильм «Император Николай Второй», организовал в Нью Йорке Русско-Американское Информационное Бюро, поставившее себе целью борьбу с искаженным русской историей и русской действительности в американской прессе, радио, телевизии и т.д.

так и «левые» категории. Политические неудачи свободного мира, декларативно противостоящего коммунизму, и объясняются именно непониманием или нежеланием понять духовной сущности последнего, с проистекающим отсюда распылением сил, вследствие недостаточной очерченности духовных позиций и неясной постановки конечных политических целей. Этим распылением и объясняется в первую очередь всемирное победное шествие коммунизма, который, по глубине и размаху своего всеотрицания и всеразрушения, требует предельной собранности противостоящих ему созидательных сил.

Поэтому, вполне понятно, что от окружающего нас безразличия, непонимания и холодности наш взор обращается туда — к России, к ее таинственно молчащему народу, который еще не сказал своего слова, но который, тем не менее, имеет самое несомненное право на это слово, и который это слово скажет, когда тому придет время. И если этого слова нам услышать дано не будет, то его услышит новое поколение, перед которым станут и новые задачи: Россия будет и там же, внутри России, решается будущее остального мира — или будет Россия и возрожденный от современного бессилия христианский мир, или будет безликий, всемирный марксистский муравейник. И поскольку в этом нашем уяснении Россия будет — будет воссоздана и воссоздана российская государственность не в форме какой-либо новой насильственной конструкции того или другого образца, а в той органической форме, которая наиболее всего ответит духовным, историческим и государственным нуждам России. Для этого воссоздания строительный материал уже существует, и, так сказать, дан историей, и этот материал, кроме, как отсюда, брать будет неоткуда. Этому органическому и закономерно грядущему воссозданию России — а оно может быть только органическим — воспрепятствовать никто не сможет.

С другой стороны, противные этому органическому направлению позиции чрезвычайно также ослабляются и ока-

С. Л. Войцеховский

Письма из Нью-Йорка 12.

“Формула — Мы с свободным миром — по существу беспредметна и двусмысленна”.

(Из статьи В. Н. Ржевского “С кем мы?”)

“При укреплении в русской духовной стихии, не страшно общение с Западом”.

(Из доклада проф. Н. С. Арсеньева “Восток и Запад в русской культуре”, Нью-Йорк, 27-го февраля 1959 года).

— Я не согласен, — сказал мне один из читателей “Нашей Страны”, — с тем, что Вы пишете... Можно ли утверждать, как это делаете Вы, что Россия, после уничтожения коммунизма, должна стать частью свободного мира? Можно ли не замечать, что этот мир Россию ненавидит, что он желает не ее освобождения, а расчленения и ослабления, даже полного исчезновения? Где-где, а именно здесь, в Соединенных Штатах, не только общественное мнение, но и самые влиятельные политические деятели открыто призывают к расчленению России. Прочли ли Вы, что сообщил об этом в “Новом Русском Слове” С. Павловский?

— Да, прочел...

Письмо редактору “Нового Русского Слова”, на которое мой собеседник сослался, было прислано из Вашингтона и напечатано 3-го марта 1959 года. Автор этого письма, С. Павловский, писал о том, что в Вашингтоне “происходил съезд украинского Конгрессового Комитета, на который со всех концов съехались все видные расчленители России”.

“Присутствовали на съезде все — от фашистов-бандеровцев до социалистов-винниченковцев, включительно. Всех объединяла присущая им лютая ненависть ко всякой России и русским. Аранжировка манифестации расчленителей была подготовлена тщательно и с определенным воздействием на американскую политическую общественность. Этому особенно содействовало участие очень многих сенаторов и конгрессменов и их выступления во время трех дней съезда... Присутствовали и “представители дружественных стран”, начиная с балтийцев, венгров, поляков, словаков и кончая белорусами, туркестанцами и, конечно, представителем Казаккии, матерым расчленителем и ненавистником России, Глазковым,

который был представлен, как ширый друг Украины и негнбимый поборник за свободу и независимость порабощенных Москвой народов”.

Эти сведения о съезде расчленителей и об участии американских политиков в съезде С. Павловский сопроводил призывом к противодействию:

“Мимо этой очередной манифестации... никак нельзя проходить спокойно и нельзя на нее не реагировать... Уже тот факт, что десятки конгрессменов и сенаторов САСШ всерьез принимают всю болтовню расчленителей России и оказывают им свою поддержку, должен пробудить русскую зарубежную общественность от спячки и заставить реагировать на происки врагов России... Усиленному напору расчленителей России должен быть оказан решительный отпор всех живых сил русского Зарубежья”.

*

Этого отпора, до сих пор, не заметно... Более того, письмо С. Павловского — насколько мне известно — так и осталось единственным откликом русской прессы в Соединенных Штатах на тот Вашингтонский съезд, о котором больше в этой прессе не было сказано ни слова.

Это молчание объясняется просто. Русской политической печати в Соединенных Штатах нет, или — вернее — почти нет. Нельзя назвать политической печатью ни несколько газет, не имеющих собственной информации, питающихся сокращенным переводом сведений, почерпнутых из “Нью-Йорк Таймса” или других, подобных ему источников, ни — тем более — маленьких журналов и листков, живущих прошлым или замкнувшись, как в гетто, в узкий круг незнания и провинциального самодовольства. Внешняя жизнь и в частности политическая жизнь Соединенных Штатов, происки врагов русского народа и отношение американцев к этим проискам, только редко и случайно привлекают к себе внимание этой прессы, а когда это бывает, то читателям иногда, вместо достоверных сведений, преподносится вредный вздор.

*

Между тем, еще до съезда, о котором С. Павловский сообщил “Новому

завшейся трагической для них исторической связанностью с теми силами, которые, выйдя на мировую сцену под знаменами “прогресса”, легли затем в основание современной Российской смуты, а с нею, и смуты мировой. Мы, признавшие закономерность этих неизбежных из духовной и гражданской истории человека “передовых” сил, должны столь же нелицеприятно признать и вскрывшиеся в них опасности, получившие в нашем поколении полное свое духовное и историческое подтверждение. Так, казалось, возвышенные принципы, провозглашенные в начале нашей эпохи, легли в основание небывалому порабощению человека конца той же эпохи, свидетелями изживания которой являемся сегодня мы. Несомненно, что не только коммунизм, явившийся крайним выражением духовного оскудения эпохи и глубочайшего кризиса политической системы демократии, но и весь мир стоит перед окончательным и весьма болезненным разрешением этого охватившего мир двухвекового недуга, принявшего в наше время свои ясные и окончательные черты. В этих муках конца эпохи и рождается новый мир: старые пути кончены и изжиты, впереди еще никому неизвестный новый путь.

Какими путями пойдут новые созидательные силы, мы не знаем, эти пути еще мало заметны, и они весьма ра-

но еще говорить, как и о будущих путях России; тем не менее пути России уже как бы намечаются, и вполне закономерно предположить, что эти пути совпадут в той или иной мере с духовным ее 1000-летним историческим путем. И в этом смысле, мы сейчас все одинаково “прогрессивны”, поскольку противостоим мертвящим, и глубоко по своей противочеловеческой сущности реакционным, и в полном смысле антиисторическим силам, своим наличием в России препятствующим появлению в ней новых, творческих сил.

Удержание этих почвенных, исторических сил в России мыслимо лишь до какого-то срока: международный коммунизм, в периоде своего внутривосточного изживания, уже не является для них непреодолимым барьером. Настанет время, и это время уже близко, когда эти живые силы народа взломают сковывающую Россию мертвящую кору марксизма.

Выпадение России, являвшейся в своем историческом образе проводником Добра в мире, из мирового организма, привело к современному духовному тупику и политическому бессилию. Поэтому, новая, возрожденная Россия будет означать равно и новый, оздоровленный мир.

Д-р А. К.

Русскому Слову”, произошло событие, о котором русская печать в Соединенных Штатах не сказала ничего — 11 сенаторов и 44 члена Палаты Представителей объявили в январе 1959 года, что они сочувствуют восстановлению той Украинской Народной Республики, которая 41 год тому назад объединила — на бумаге — Приднепровье с Галицией.

В списке членов Конгресса, посвятивших этой годовщине свои речи, много имен второстепенных, но в нем, к сожалению, можно найти и имена влиятельного представителя Пенсильвании, депутата Фрэнсиса Вальтера, и сенатора Губерта Хэмфри, и сенатора Джэкоба Джэвитса, за которого в Нью-Йорке голосовали многие русские американцы. Вместе с сенатором Бушем этот сенатор Джэвитс внес в Конгресс проект резолюции, призывающей президента Соединенных Штатов провозгласить, раз-навсегда, 22-го января Днем Украинской Независимости и призвать население Америки к ознаменованию этого Дня “соответствующими церемониями”.

Не ожидая постановления Конгресса и решения президента, губернаторы девяти штатов — в том числе и Нью-Йоркский губернатор Нелсон Рокфеллер — поспешили обнародовать в январе “прокламации”, устанавливающие этот День и призывающие к воссоединению “независимой Украины”.

Русская пресса в Нью-Йорке об этом или не обмолвилась, или ограничилась короткой и неполной информацией. Между тем, изучение причин январского братания американских политиков с духовными детьми Грушевского, Коновальца и Петлюры привело бы к поучительным выводам. Оно показало бы, как мало в этом братании полити-

ки “внешней”, подлинного стремления расчленив Россию, отделить от нее Украину, и как много политики “внутри” — желания закрепить за собой голоса украинских избирателей, ставших, в последние годы, небольшим, но все же не пренебрегаемым элементом каждой предвыборной игры.

Это изучение обнаружило бы отсутствие русского элемента в этой игре. Оно показало бы и неумение, и нежелание русских американцев в ней участвовать. Оно объяснило бы почему призывы к “отпору сепаратистам”, подобные призыву С. Павловского, не вызывали до сих пор в русской среде в Соединенных Штатах сколько-нибудь заметного отклика. Оно заставило бы русских американцев задуматься над тем, что с происками сепаратистов в Вашингтоне, в Нью-Йорке и во всех других городах и штатах Северной Америки нужно бороться не “протестами”, не ссылками на неудачу всех попыток разделить и расчленив Россию, а — для начала — решительным отказом русских избирателей голосовать на выборах за тех, кто неумно, во вред самой Америке, связал себя с сепаратистами.

Спокойное и вежливое извещение сенатора, губернатора или члена Палаты Представителей о том, что избиратель отнесся отрицательно к его словам, побудит каждого из них — в будущем — к осторожности. Когда же русских избирателей в Соединенных Штатах — организованных избирателей! — окажется не меньше, чем у расчленителей, украинофильство многих, очень многих американских политиков рассеется, как дым при порыве свежего ветра...

С. Л. Войцеховский

ПРОФ. Е. МЕССНЕР

ЛИК СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЫ

V. ТОТАЛЬНО-ВООРУЖЕННЫЙ НАРОД

“Каждый народ имеет такую армию, какую он заслуживает иметь”. Если эту формулу Троцкого приложить к современным армиям, то приходится признать народы весьма малозаслуженными.

Армия в веках была проявлением аристократизма духа и находилась в руках аристократии — королевской при Людовиках, демократической при Наполеоне. Итальянская конституция 1948 г. гласит: “Италия есть демократическая республика, базирующаяся на труде”. В пояснение к сему на первом месте стоит труд физический, а на втором — духовный: мозоли на руках ценнее мыслей в голове. Это — знамение времени и оно кладет печать и на войско. В нем логика людей с мозолями — солдат — неохотно подчиняется логике людей с мозгами — офицеров. В молодой германской армии, по последнему слову демократической доктрины созданной, офицерство с превеликой осторожностью и в гомеопатических дозах внедряет здравые военные принципы. Опасается солдатского протеста и парламентского негодования.

Воинства из королевских стали парламентскими. На маневрах Швейцарской армии главную роль играл министр финансов, объезжавший штабы и следивший, чтобы оперативные и тактические планы согласовались с бережливостью: поменьше потрав, поменьше расходования военного оборудования.

Войско перестало быть государством в государстве и лишилось возможности свой дух прививать народу — народ диктует войску мораль и мудрость. Комиссия по выработке устройства и духа новой германской армии состояла (по сообщению газет) из 5 офицеров, 2 фельдфебелей, 2 ефрейторов, оружейного мастера, штрафного солдата, солдатской вдовы и 9 гражданских лиц.

Гражданские лица внушают войску удивительные идеи: во время Корейской войны американский “Штаб Психологической Войны” установил давать каждому перебежчику-северокорейцу 5000 долларов (впрочем некоторые члены штаба полагали, что душу воина можно оценить в 100 долларов). Но меркантильность не одолела дисциплину в армии коммунистической диктатуры, чтобы соблазнять долларами на измену. Как реагировали бы американские солдаты на такое предложение с красной стороны, неизвестно.

Деньгами пытаются подменить сознание воинского долга. Американские солдаты привыкли к денежным наградам: летчики на войне имели “комиссионные” от выполненной бомбежки. Генерал Паттон штрафовал своих офицеров и солдат на фронте за небрежность в одежде. Во время Суэцкого военного эпизода египтяне оценили голову каждого английского офицера в 100 фунтов стерлингов, а голову главнокомандующего генерала

М. М. Спасовский

МАК МИЛЛАН В СССР

(Политические заметки)

Когда пишутся эти строки, английский премьер Мак Миллан все еще изволит пребывать в гостях у Хрущева, в его подмосковном имении, в непосредственной близости от села Семеновское.

Судя по описанию одного из членов свиты Мак Миллана, журналиста Тревор Смита, первый секретарь коммунистической партии СССР Хрущев живет в большом одноэтажном доме, построенном из серого камня. В доме несколько спален, гостиных и столовая. Стены покоев обшиты из дерева разных пород и вообще весь дом выдержан и прекрасно украшен в русском стиле.

Дом окружен забором и вход имеет со стороны парка, а в парке м-ра Хрущева видны рощи, цветники (очевидно, имеется в виду полужансенные снегом цветочные клумбы), озера. Народ катается на коньках и ловит рыбу через дырки во льду....

Идиллия, — не жизнь, а сплошная малина! Ну, как после этого не восхищаться СССР и не завидовать счастливой жизни там?!

Народ катается, ловит рыбу... Конечно, смея ради и удовольствия. Но только вот к чему бы этот забор высокий и глухой вокруг дома всеобщего народного любимца?!

Читая все эти трогательные описания, сразу видишь и чувствуешь, что здесь живет именно пролетарий и народный демократ, в данном случае Никита Хрущев, вчерашний мариупольский кузнец, близкий друг и слуга семьи Каганович и сегодняшней «босс России» — хозяин СССР.

Эта дача, по словам ничего не зна-

ющего м-ра Т. Смита, была в 1939 году построена для Сталина и, конечно, ничего не сказано, кому это имение принадлежало в прошлом. Но многократно подчеркивается в любезных сообщениях Т. Смита, что переговоры между Мак Милланом и Хрущевым ведутся «в абсолютном секрете» и лишь упоминается предположительно, что эти переговоры касаются «взаимных интересов».

Упоминается еще и о том, что за завтраком в имении пролетария Хрущева играла музыка и выступали солисты, исполнявшие то на русском, то на английском языках песенки из «Мадам Баттерфляй» и английские баллады.

Короче говоря, «абсолютно секретно» переговоры протекали в самой задушевной обстановке. Правда, они были шиты белыми нитками и легко расшифровывались всеми более или менее мыслящими, даже людьми в младенчестве ушибленными.

Так живописуются эти довольно длинные переговоры в таких двух словах: Мак Миллан просит умоляющим шопотом — «не стреляй по нашему острову, в случае жежели...» А Хрущев настаивает, стуча кулаком — «плюнь на Вашингтон, присоединяйся к Москве...»

«Абсолютный секрет» фактически в том и заключается, кто именно из партнеров скажет «да» и сделает «нет». Английский премьер по давно уже отжившей традиции думал, да, пожалуй, и сейчас думает, что между «да» и «нет» разница все-таки есть, по крайней мере должна быть, — тогда, как Хрущев разницы между «да» и «нет» принципиально не признает никакой. И, конечно, выигрывает Хрущев.

Как раз в эти дни задушевно интимных и весьма сердечных переговоров «глав государств» советские военкомы

разразились потрясающими угрозами и предупреждениями о том, что СССР сегодня так силен своей новейшей военной экипировкой, так могущественен своими ракетами и бомбами, так усовершенствован в стрельбе ими, что любая точка на нашей планете ныне взята под их контроль.

Слушая все это и, может быть, даже содрогаясь, английским гостям приходилось не столько созерцать вокруг себя развесистые клоквы, сколько думать о своих развесистых ушах, — захлопнуть их или подождать. Во всяком случае, с пустыми руками возвращаться в Лондон никак нельзя, — какой-то «багаж» привезти надо. И какой-то «багаж» они привезут. Но какой бы «багаж» они ни привезли в Лондон, этот их «багаж» ничего не решит, — решать будет Вашингтон.

Когда 24-го февраля на банкете в британском посольстве Хрущев решительно и грубо отклонил два предложения Запада — о конференции четырех министров иностранных дел по германскому вопросу и о прекращении атомных опытов, — Мак Миллан понял, что ни его высокая белая шляпа, ни его пламенный вопль о прекращении Холодной войны не привели в Москве ни к чему.

Все надежды английского премьера склонить СССР на какие-то уступки и закруглить углы во взаимоотношениях оказались взорванными Хрущевым. Закусив удила и обращаясь к Мак Миллану, «босс России» крепко и многозначительно подчеркнул: — «Позвольте нам самим найти мудрость одолеть наши трудности и обрести мир на земле».

На обывательском языке это значит: — «Не мешайте нам и, когда коммунизм полностью охватит все и вся, на всей земле водворится мир».

Мы не знаем, на чем именно остановились Мак Миллан и Хрущев при своем расставании, — к чему они пришли или на чем они согласились. Но мы знаем, что не Англии принадлежит последнее слово в распутывании завязавшегося германского узла и международного напряжения. Вашингтон молчит, — и за все время пребывания английского премьера в Москве Белый Дом никак не комментировал ни этот визит, ни разговоры, связанные с этим визитом. Это молчание красноречиво в том смысле, что оно может дать ряд интересных сюрпризов, но не страшных. Ни САСШ, ни СССР Третьей Мировой войны не начнут, — САСШ принципиально не начнут, а СССР из страха за свою судьбу, которая и без войны висит на волоске в силу внутренних напряжений.

И визит Мак Миллана в Москву оказался по своим результатам не только пустым, ненужным для мира, но и конфузным для Английской Короны. Этот визит в какой-то степени усилил престиж СССР за счет понижения престижа Англии. Незавидный багаж приготовил английский премьер для своего возвращения в Лондон.

«Мрак над советскими разговорами», — такими заголовками пестрели статьи в англо-саксонской печати от 26-го февраля. Мрак не мрак, а определенный провал оказался в итоге макмиллановской поездки в СССР. Конечно, не провала искал английский премьер, но нашел этот провал именно потому, что не удосужился в свое время разглядеть лик коммунизма и его адептов. Нового от Хрущева Мак Миллан ничего не услышал. Холодная война продолжается с той только разницей, что позиции английские — военные и дипломатические сегодня стали еще слабее. М. М. Спасовский

рала Эрскина — в 10 раз дороже. В германской армии сейчас пришли к заключению, что денежные штрафы на солдат имеют лучшее воспитательное действие, чем наказания, бьющие по самолюбию. Таков дух времени и с ним приходится считаться.

В средневековье говорили: у воина три умения — вонзить меч в тело врага, укротить буйного коня и опрокинуть на спину девушку. Теперь насчет девушки не уменьшилось умение, мотор же укротать не надо — его надо только знать; а к мечу проявляется отвращение: прямое убийство — не по нервам современному человеку. Даже палач стесняется выдернуть табуретку, а «культурно» нажимает рычажок, чтобы открылся люк под ногами казнимого. Рукопашный, штыковой бой заменен метанием гранат не только потому, что это — лучшая техника, но и потому, что нервы не выдерживают убийства собственноручного. Граната лучше — она убивает, а не я.

Войско создается из материала невысокого качества. В минувшую войну в САСШ от мобилизации было уволено 1.850.000 человек (12% призванных) по причине психической, умственной или физической ненормальности. Процент алкоголиков в американском народе огромен — они или не годятся для войска, или — меньшие пропойцы — ни на что не годятся в войске.

Психоатмосфера, окружающая войско, вредна ему. В Германии часть молодежи протестовала против введения воинской повинности: «Лучше быть 20 раз изменником, нежели 1 раз мертвым». В Англии писатель Тойнби и ученый Руссель воодушевляют публику фразами, которые можно перевести так: «Пусть нас красные оккупируют, но только не бомбардируют». Народный инстинкт самоохранения, патриотизм, сознание долга десятилетиями подтачивались пропагандой пацифизма и интернационализма, а сейчас к мечтателям присоединились просветские практики: 17 международных организаций стоят в подчинении «Всемирного конгресса мира», организовавшего в 75 странах свыше 150.000 комитетов в защиту мира (под миром понимается не только абсолютный мир, но и всякая «справедливая» экспансия Советов, которые и войны ведут только «справедливые», а к числу последних причисляются и нападение на Финляндию и удар в спину Польши).

Войско не гордость нации. Оно не любимо, оно только терпимо. На могиле знаменитейшего поэта Греции Эсхила не было упомянуто, что он себя обессмертил написанием «Прометей», но сказано было: «Здесь лежит человек, сражавшийся при Саламине». Быть воином — почетнее всего. А ныне офицер принужден на улице скрывать свое звание ношением гражданского платья. Немудрено, что в Сен-Сирскую школу в 1913 г. на 1000 вакансий было 3.700 прошений, а 40 лет спустя — на 250 вакансий только 400 прошений.

Снижение психического и физического качества военно-людского материала принуждает снижать требования к воину и к войску. В иррегулярном войске гражданин-воин обладает сугубо-милиционными качествами — нервностью, впечатлительностью и малой способностью к перенесению опасностей. В регулярном войске воин-гражданин с неохотой подчиняет свои гражданские права воинским обязанностям. Лишь коммунистическая власть смеет тренировать солдата в неприхотливости и выносливости. В войсках демократических государств воина облааскивают нежным обращением и ублажают комфортом. Рим пал, когда его легионы стали изнеженными.

Установлены курьезно-краткие сроки службы, чтобы молодые люди

не «теряли» своего драгоценного времени на пребывание в казармах. И хотя огромны духовные требования к современному, уже не одиночному, а изолированно-самостоятельному бойцу, его душу не успевают сформировать в казарме — дают ему обучение, но не воспитание. Один немецкий рекрут отказывается выйти на занятия — они ему противны; военный суд признает дело неподсудным, а гражданский суд приговаривает непослушного гражданина к двухнедельному аресту. Английский солдат бежит с поля сражения и военный суд его оправдывает: ведь бедняга не мог совладать со своими нервами.

В Нюренбергском судилище создано понятие об условной военной дисциплине: выполняю только приказ, не противоречащий моему сознанию. Военные уставы этого не признают, но генералы и полковники на войне не могут не беспокоиться: «Не окажусь ли военным преступником?». Против Мау-мау в Кении и против еще более подлых массовых убийц в Алжире офицеры попробовали было применить суровые методы — запротестовали парламенты, заработали судебные следователи. Если к коварному врагу нельзя быть суровым, то и подавно нельзя быть требовательным к своим воинам-гражданам.

Дисциплина в войсках не крепка. Хотя Суворов и разрешал после штурма крепости идти «на добычу», но это вывелось. А красноармейцы, вступив в Европу, все обшарили, ища «уры»; английские же офицеры и солдаты вывезли из Германии вещей на 15 млн. фунтов, американские — на миллиард долларов.

Воспитательные приемы в нынешних армиях бывают оригинальны: командир показывает своим солдатам очаровательную молодую актрису и, чтобы придать тактическому учению интерес, приказывает обороняющейся стороне увести девушку, а наступающей стороне ставит задачей отвоевать красавицу. В войска проникает Холливуд.

Впрочем наряду с чудачествами, войска стремятся достичь наилучшего использования людского материала: путем психоанализа пытаются поставить каждого на место, соответствующее его темпераменту, менталитету, психическим свойствам. Но психоанализ — наука опасная: она нередко дает солдату оценку «не годится для линии огня», чем узаконяется трусость. Она же побуждает судей оправдывать тяжких преступников. Для наиболее тяжких есть диагноз: «шизофрения». Если у атомного предателя было «раздвоение личности», то следовало казнить его злую половину, хотя бы при этом погибла и добрая. Но, скажут, это ведь логика «военщины».

Время сейчас своеобразное: лучший воин Франции, Петэн, закопан на тюремном кладбище, глава «резистанса», де Голль — в чести и на вершине власти. Это своеобразие времени влияет на дух воинства и на стратегию. В воинстве снижена культура воинской добродетели. В стратегии — оползнь с высот классического искусства регулярного воинства в низину джаз-банда всенародного иррегулярного воевания. Тотально, от мала до велика, независимо от пола, народ участвует в тотальной войне, применяя тотально-многообразное оружие: тяжелое оружие боя, облегченное оружие партизанского воевания, потайное оружие террора и диверсии, дешевое «оружие-слово» и общедоступное «оружие» — вредительство и саботаж. Применение традиционного оружия, оружия боя связано с такими опасностью и самопожертвованием, к каким не склонен современный эгоцентричный человек. Поэтому стратегия перемещает центр тяжести войны в сторону борьбы более легкими и популярными видами оружия. Это изменило лик войны.

